

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. О. А. Туфанова
г. Москва, Россия

**КУЗЬМА МИНИН В «ПОВЕСТИ О ПОБЕДАХ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА»
(к вопросу о способах изображения героя)**

Аннотация: В статье рассматриваются традиционные и новаторские способы изображения идеального героя народного ополчения. На основе анализа эпитетов, монологов Кузьмы Минина, реалистических мотивов, характеризующих его деятельность, делается вывод о том, что автор «Повести о победах Московского государства» смешивает различные приемы и способы характеристики героя. Руководствуясь «методом идеального преобразования жизни», он рисует при помощи высоких положительных эпитетов, тавтологических сочетаний, в соответствии с выработанной схемой (патриотизм – «христианские добродетели» – «служба и радение»), образ идеального героя. При этом все абстрактные положительные характеристики подтверждаются в тексте реалистическими мотивами, сходными с теми, которые обнаруживаются и в других сочинениях о Смутном времени. Благодаря этому идеальный образ обретает реальные исторические черты. Введение в характеристику героя прямой речи мотивируется в тексте конкретными историческими обстоятельствами, объясняющими причины подобного поведения. Доброе расположение по отношению ко всем людям, как доминантное свойство натуры Кузьмы Минина, не является исчерпывающей его характеристикой. Столкнувшись со злом, он применяет карательные меры. В целом, в фигуре Минина нашли отражение общие тенденции изображения человека в литературе начала XVII в., когда в одном человеке сосуществуют и хорошие и плохие черты и такое сочетание не мешает ему быть в представлении автора идеальным героем своего времени.

Ключевые слова: Кузьма Минин, «Повесть о победах Московского государства», способы изображения героя, метод идеального преобразования жизни, реалистические мотивы, эпитет.

Информация об авторе: Ольга Александровна Туфанова — кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. E-mail: tufoa@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.12.2018

Дата публикации: 28.06.2019

Для цитирования: Туфанова О. А. Кузьма Минин в «Повести о победах Московского государства» (к вопросу о способах изображения героя) // Вестник славянских культур. 2019. Т. 52. С. 132–142.

В программной статье «О художественной специфике древнерусской литературы» И. П. Еремин отмечал, что «в древнерусской литературе можно установить два основных способа изображения жизни. Первый ставил своей задачей с наибольшей достоверностью воспроизвести единичные факты действительности <...>; второй — отражал не действительность, а порожденные ею идеалы» [7, с. 81]. Против схематизации «специфики» древнерусской литературы выступила в свое время В. П. Адрианова-Перетц [2], указав на многочисленные отступления в памятниках древнерусской литературы от предложенных методов. В частности, исследовательница писала: «Когда жизнь ставила перед древнерусским писателем особо серьезную задачу — общественно-политического или морального характера, он стремился наиболее убедительными средствами выражения привести читателя к своей точке зрения на описываемое событие и его участников, приблизить к жизни идеально преображенный образ. В таких случаях писатель, рисуя жизнь “какая он есть”, стремился не просто точно (“с протокольной точностью”), но и художественно правдиво воспроизвести ход событий, раскрыть хотя бы основное в психологии их участников, сделать изображение воздействующим и на сознание и на эмоции читателя, способствующим усвоению и авторской оценки. С той же целью — самым способом изображения подчинить сознание читателя своему идейному замыслу — писатель иногда индивидуализировал характеристику героя, построенную методом идеального преображения жизни, вводил в нее реальные исторические черты, приближал к конкретной исторической действительности» [1, с. 9]. В начале XVII в. был «открыт» человеческий характер [1, с. 30; 10, с. 6–26], что «привело», по мнению Д. С. Лихачева и О. А. Державиной, к ряду знаковых для развития литературы явлений: «1) хотя писатели по традиции и говорят еще о воле божией и внушениях дьявола, они все чаще пытаются объяснить поведение человека, его поступки, его действия свойствами его характера; 2) писателям стало ясно, что характер человека может со временем измениться и что причиной этого является не божественная воля или “действие дьявола”, а те или иные события, те или иные лица; 3) что особенно важно, писатели видят теперь, что в одном человеке могут сосуществовать и хорошие и плохие черты» [4, с. 78–79]. Этот новый подход к изображению исторических событий и людей по-разному проявляется в цикле сочинений о Смуте. Вместе с тем в поздних текстах, написанных в период 1613–1630/1632 гг., авторы сочетают различные способы изображения действительности и героев.

Один из таких поздних памятников — «Повесть о победах Московского государства». Созданная «в конце 1620-х или на рубеже 1620-х и 1630-х гг.» [6, с. 165], она дошла до нас в единственном списке середины XVIII в. (ГПБ, Собрание М. П. Погодина, № 1501) [5, с. 96] и охватывает период 1606–1625 гг. По справедливому мнению Г. П. Енина, «наиболее ярко» в памятнике «представлены образы царя Василия Шуйского, князя М. В. Скопина-Шуйского и Козьмы Минина» [5, с. 103]. Но если при характеристике В. И. Шуйского, М. В. Скопина-Шуйского автор «Повести...» использовал хорошо знакомый древнерусской литературе «метод идеального преображения жизни» (их образы «носят схематический характер» [5, с. 103; 15]), то образ Кузьмы Минина, наряду «с идеальными качествами», «имеет явные признаки реалистического изображения» [5, с. 103], отчасти восходящие к уже сложившейся к этому времени традиции изображения героев народного ополчения в исторических сочинениях первой трети XVII в. [14], отчасти имеющие оригинальный характер.

Какие же традиционные и новаторские для цикла сочинений о Смуте приемы изображения Кузьмы Минина использовал автор «Повести...»? Анализ ряда памятни-

ков, таких как «Пискаревский летописец», «Хронограф 1617 г.», «Иное сказание», «Летописная книга» С. И. Шаховского, «Рукопись Филарета», «Бельский летописец», показал, что их авторы практически отказываются от использования оценочных эпитетов, сравнений, метафор. Главным способом создания образов становятся реалистические мотивы сбора казны, раздачи жалования, патриотизма, действенного милосердия и др. (см. подробнее: [14]).

В отличие от названных выше исторических сочинений, автор «Повести о победах Московского государства» весьма активно применяет для характеристики исторических лиц оценочные эпитеты. Кузьма Минин чаще всего, как верно отмечал Г. П. Енин, «рисует эпитетами, образованными <...> от слова “добро”» [5, с. 128]. Они появляются уже при первом упоминании Кузьмы Минина: «некий муж благолюбив и добросмыслен зело, именем Козма Минин» [11, с. 29] — и далее, незначительно варьируясь, повторяются почти при каждом упоминании его имени: «Доброприветливый же Козма...» [11, с. 30], «Они же, видев его добросмысленнаго...» [11, с. 30–31], «Той же добролюбный муж Козма Минин...» [11, с. 31], «...той благоразсудный Козма...» [11, с. 31], «Он же, добросмысленный...» [11, с. 32], «Добромысленный же Козма Минин...» [11, с. 35]. Редкий случай в тексте, когда имя Кузьмы Минина не сопровождает оценочный эпитет.

Практически на всем протяжении фрагмента, посвященного народному ополчению, автор постоянно применяет оценочные эпитеты и для характеристики его речей с аналогичными доминантами: «...нача доброумными своими словесы глаголати...» [11, с. 30], «...добросмысленными своими словесы... много доброприветных к ним словес изрече...» [11, с. 30], «Он же много тязав их своими доброумными словесы...» [11, с. 32], «...своими доброприветными словесы... доброумными словесы...» [11, с. 35]. То же самое касается и характеристики его советов: «доброй его совет» [11, с. 30], «Козмина доброприветнаго совета» [11, с. 32], «доброрассудному росказанию» [11, с. 31]. Подчеркивая доброе начало в облике и деяниях Кузьмы Минина, автор обращается и к тавтологическим сочетаниям, одному из излюбленных приемов в «Повести...» при создании идеализированных образов исторических лиц [5, с. 128]: «Доброприветный же Козма добрыми, добросмысленными своими словесы прохвалив бога...» [11, с. 30].

Любопытно, что, описывая реакцию людей, к которым Кузьма Минин обращается с речами, автор тоже использует в основном одну доминантную характеристику. Они постоянно испытывают «радость», и эта радость друг по отношению к другу, к деяниям и словам взаимна. Так, встречая смолян, пришедших в Нижний Новгород, Кузьма Минин «многую радостью возрадовашася» и «со многую радостью и со слезами рекуще» [11, с. 30]. Смоляне, увидев его, «многую радостью возрадовашася о таком добросмысленном мужи» [11, с. 31].

Вместе с тем, прибегая к традиционному способу возвеличивания и идеализации героя, автор «Повести...» не оставляет эпитет без реалистического обоснования. И в этом случае мы, очевидно, можем говорить о сочетании традиционных и новаторских элементов, когда, с одной стороны, автор использует приемы, характерные для «метода идеального преобразования жизни», а с другой стороны, обосновывает эту высокую положительную оценку при помощи реалистических мотивов, отражающих конкретные деяния героя. Например, в одном из фрагментов рассказа эпитет «добролюбный» подтверждается типичным в характеристике Кузьмы Минина для цикла сочинений о Смуте мотивом сбора казны для войска: «Той же добролюбный муж Козма Минин прежде всех разделив имение свое на три части, и взяв две части имения своего,

и со мною радостью принесе на собрание казны ратным людем, себе же на потребу едину часть имения своего остави» [11, с. 31]. Эпитет «благоразсудный» подкрепляется мотивом раздачи жалованья войску: «И собрав казны множество, той благоразсудный Козма разобрал же дворян града Смоленска против их дорянския чести на три стати, учинив первую статью, и среднюю, и меншую, и вместо государева жалованья даде им полныя оброки против их дворянской чести» [11, с. 31].

Образ Кузьмы Минина, как и других положительных героев, выписан «по единой схеме, состоящей из определенных элементов. Первым таким безусловным элементом является патриотизм, т. е. подтвержденная делом готовность сражаться за самостоятельность православного государства. Второй обязательный элемент — христианские добродетели. Третий непрменный элемент выражается в формуле “служба и радение”, понимаемой в зависимости от общественного положения героя: для царей это неустанная забота о всей стране, для людей, стоящих во главе войск, — организация рати и мудрое руководство ею, для смольнян — верность и воинская доблесть» [5, с. 127]. Г. П. Енин показал это на примере образа М.В. Скопина-Шуйского и смолян. Но эта схема применима и по отношению к Кузьме Минину.

В характеристике его деяний и устремлений так же, как и в других сочинениях о Смуте, доминирует мотив патриотизма, нашедший реализацию прежде всего в речах героя. Таковых в памятнике три.

Первую речь, согласно тексту, Кузьма Минин произносит «созвав» «всех нижегородцев». Как и в других памятниках, предложению встать на защиту Московского государства, собрать казну для войска, автор «Повести...» предпосылает высокую положительную характеристику — «доброумными своими словесы глаголати к ним, рекуще» [11, с. 30]; как и в «Хронографе 1617 г.», «Летописной книге», «Пискаревском летописце» и в других текстах, мотивы сбора казны и раздачи жалования ратным подчеркивают здесь добрый ум, добрый смысл, присущие Кузьме Минину.

Речь представляет собой удивительное смешение стилей. Начинается она в высоком церковном стиле обращением к «братие и друзи, вси нижегородстии народи» [11, с. 30] и рядом эмоциональных вопросительных предложений: «Что сотворим ныне, видяще Московское государство в велицем разорении? Откуда себе чаем помощи и заступления граду нашему, разве милости божий?» [11, с. 30]. Далее она ритмизируется в стиле «плетения словес» при помощи гомеотелевтов, придающих фразе торжественно-трагический характер:

Видехом, братие, многих градов российскаго государства разорение,
и православных христиан побиение,
и жен их и чад в плен ведение,
и всего богатства их лишение [11, с. 30].

А затем приводится цель созыва нижегородцев; ее формулировка, хотя и носит вполне конкретный характер, весьма сильно отличается от тех, которые читаются в других памятниках. Если в «Пискаревском летописце» Минин предлагал задуматься, «како бы им пособити Московскому государьству» (цит. по: [12, с. 217]), в «Новом летописце» он изрекал: «Будет нам похотеть помочи Московскому государьству» (цит. по: [13, с. 116]), то в «Повести о победах Московского государства» он предложил призвать на помощь «храбрых» и «мужественных» «достоверных дворян града Смоленска» [11, с. 30]. И это отнюдь не случайно. Перед тем, как привести пространную речь Минина,

автор «Повести...» пишет: «Той бо Козма издавна слышав про храбрость смоленскую и про мужество дворян града Смоленска, колики помощи Московскому государству учиниша, государю верно послужиша, и многи грады побраша, и велию храбрость и радение показаша, за православную христианскую веру много постояша, и многи противных полки побиша, и во всем непоколебимы, и помощью всесилнаго бога вооружении, и храбри быша. Слышав же, яко смольяне в Арзамасе, близ Нижнева Нова града, и многую радостию возрадовася» [11, с. 29–30]. Здесь так же, как и в речи, автор ритмизирует фразу с помощью концевых созвучий отдельных фрагментов, и это наводит на мысль, что приводимая в «Повести...» прямая речь Минина в действительности принадлежит не ему, а автору, который на разных художественных уровнях создает панегирик в честь смолян, точнее, в честь «достоверных дворян града Смоленска»¹ [11, с. 30], сыгравших, согласно тексту, значительную роль в событиях Смуты. Поэтому, в отличие от других памятников, мотив патриотизма ослаблен в первой речи Минина, дающего нижегородцам совет призвать храбрых смолян для «заступления граду нашему». И если в изображении других авторов исторических сочинений о Смуте первой трети XVII в. Кузьма Минин выступает с самого начала организатором народного ополчения и ратует за «очищение» Московского государства, то в «Повести о победах...» он инициирует в первой речи сбор казны для призвания смолян, чтобы они защитили город. При этом автор снова прибегает к приему ритмизации: «Лутче бо есть нам имения своя им отдать, а самим от иноверных поругания свободным быти, и в вере правой жити, и единоверным работати и оброки давати, нежели от иноверных наития и разорения на себе ждати, и себе, и жены, и детей своих в велицей беде, и в плене, и поругании видети, и животов своих неволею отстати» (выделено нами. — *О. Т.*) [11, с. 30].

Речь Кузьмы Минина достигает внешнего перлокутивного эффекта², который находит выражение в ответной реакции и реплике людей: «Людие же Нижнева Нова града вси похвалиша доброй его совет и поединогласно глаголюще: “И добро есть нам тако сотворити, единоверных призывати, нежели от иноверных наития в разорении быти”. И послаша к смольяном...» [11, с. 30]. Смоляне, послушав «Козмина доброприветнаго совета», отправляются из Арзамаса в Нижний Новгород.

Таким образом, мы можем наблюдать довольно странный художественный эффект: с одной стороны, автор явно возвеличивает образ Кузьмы Минина, используя высокие положительные эпитеты, отдавая ему инициативу призыва ратных в город, сбора казны для них, а с другой стороны, приводимая прямая речь, коррелирующая с обстоятельствами, в которых она произносится в тексте, низводит высокую любовь к родине и стремление очистить Московское государство, о котором писали другие авторы, до любви к родному городу и стремлению его защитить. Это тоже патриотизм, но

¹ А. А. Кузнецов и А. В. Морохин в работе «Историография ополчения Минина и Пожарского в контексте изучения истории Смутного времени» отмечали, что речь «нижегородского земского старосты известна по нескольким источникам» [9, с. 10], в частности по «Повести о победах Московского государства», «Новому летописцу», «Книге о чудесах преподобного Сергия» Симона Азарьина, косвенно — по «Пискаревскому летописцу» [9, с. 10–12]. «Все версии “мининского призыва”, — справедливо пишут исследователи, — были созданы через несколько десятилетий после описываемых событий и разнятся между собой. Это обстоятельство вызывает сомнения в их достоверности. Между тем источник информации, зафиксированной в летописных памятниках, определяется в грамотах, рассылавшихся руководством Второго ополчения в российские города с призывом поддержать инициативу Нижнего Новгорода» [9, с. 12]. Оставляя вопрос достоверности речи Минина коллегам-историкам, мы обратимся к художественной ее стороне.

² То есть «изменений, которые речевой акт вызывает в ситуации общения, и в первую очередь в мыслях, чувствах и поведении адресата». См.: [8, с. 260].

это любовь не к большой, а к малой родине, а значит, в некотором смысле речь снижает высокую патетику образа одного из организаторов народного ополчения.

Вторую речь Минин произносит во время встречи смолян, тоже при стечении всего народа: «...честными иконами и со всем собором Нижнева Нова града, со всеми народы выхождаху из града на встречу их (смолян. — *О. Т.*) и со мноюю радостию и со слезами рекуще: “Се ныне, братие, грядет к нам христоролюбивое воинство града Смоленка на утешение граду нашему и на очищение Московскому государству”»³ [11, с. 30]. И снова она приводится, как нам представляется, отнюдь не с целью охарактеризовать патриотизм Кузьмы Минина. Она подчеркивает решающую роль смолян в деле защиты Нижнего Новгорода и освобождения всего Московского государства от «иноверных».

И только третья речь, никоим образом не связанная со смолянами, демонстрирует не только «добромыслие», «разсудие» Кузьмы Минина, но и его глубокую любовь к родине. Она обращена к войску князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого, которое «зряще» нижегородское ополчение во время сражения с гетманом Ходкевичем и «не восхотеша» помочь:

Той бо Козма видеv их на другой стране реки Москвы стоящих и не помогающих. Он же, поезжая по берегу Москвы-реки, со слезами вопияше к ним, рекуще сице: «О братие, христианстии народи! Видите велию помощь божию православному и богособранному воинству христианскому и победу на противных врагов и разорителей православной христианской вере и святых божиих церквей, на полских людей. А вы, праздно стояще, кую честь себе получите и кую славу обрящете, единоверным помощи учинити не хотите, и божию помощь учинити не хотите, и враждезлобе работаете? Ныне бо от единоверных отлучаетея, впредь к кому прибегнете и от кого себе помощи чаете, презревше, велию сию помощь божию православным христианом на супостаты Московскаго государства?» [11, с. 34]

В этой речи собраны воедино все три элемента схемы изображения положительного героя, описанной Г. П. Ениным: «патриотизм», «христианские добродетели», «служба и радение». Комментируя этот фрагмент, исследователь отметил, что «Повесть...» — это «второй источник, в котором заслуга призвания казаков Д. Т. Трубецкого на помощь войскам Д. М. Пожарского в самый трудный момент сражения под Москвой приписывается одному Козьме Минину. До нее такая версия события содержалась только в Псковской летописи <...>. Авраамий Палицын в своем “Сказании” утверждает, что казаки пошли в бой благодаря его уговорам и нравочениям <...>. Симон Азарьин представил еще один вариант этого же события. В его рассказе Козьма Минин и Авраамий Палицын вместе уговаривали казаков помочь ополченцам Д. М. Пожарского» [11, с. 150, коммент. 78]. В «Повести...» этот эпизод выстраивается в соответствии с традицией объяснять все происходящие события воздействием на людей высших сил. Так, автор пишет: «Злокозненный же враг, искони ненавидяй добра рода человеческому, вложи злу мысль полку боярина князя Димитрия Тимофеевича Трубецкого: не хотяше бо полк его князь Димитриеву полку Михайловича Пожарскаго, с полскими и с литовскими людьми биющимся, помощи...» [11, с. 34]. В этом аспекте доминантная в характеристике черта Кузьмы Минина обретает совершенно иной смысл: его добрая мысль («добросмысленный», «крепкоумием» и др.) противостоит злой мысли тех, кто не радует об общем деле очищения Московского государства («злу мысль», «злокозненную

³ Г. П. Енин полагал, что эти слова принадлежат в «Повести...» нижегородцам. Но тематика и стилистика речи свидетельствуют о том, что эти слова мог произнести в данной ситуации только Кузьма Минин, взявший на себя роль организатора.

вражью ненависть», «всякую злобу их» [11, с. 34]). И он, «яко некий разсекатель», своими «доброприветными словесы и всяку злобу их» побеждает «разсудием» [11, с. 34]. Добро, заключенное в его словах, приносит свет в души казаков и заставляет забыть злобу: «...и своими доброумными словесы аки не в светимей тме светлу свещу возже. Они же словесы его, аки светом, озаришася, и яко от тмы во свет уклонишася, всю вражью злобу забывше, и чрез Москву-реку вброд вскоре поидоша...» [11, с. 34]. Он снова своими «доброприветными словесы» достигает внешнего перлокутивного эффекта.

Помимо прямой речи, важную роль в характеристике Кузьмы Минина играют, как уже говорилось выше, реалистические мотивы сбора казны и раздачи жалования ратным, которые встречаются практически во всем корпусе сочинений о Смуте, созданных в первой трети XVII в. Важным для автора «Повести...» в реализации этих мотивов является принцип сбора казны, который неоднократно повторяется в тексте. Впервые он был озвучен Мининым в первой речи: «Се же, братие, разделим на три части имения своя: две убо христорлюбивому воинству, себе же едину часть на потребу оставим» [11, с. 30]. Далее автор сообщает, что Минин «прежде всех разделив имение свое на три части, и взяв две части имения своего, и со мноюю радостию принесе на собрание казны ратным людем, себе же на потребу едину часть имения своего остави» [11, с. 31]. Его личный пример побуждает остальных отдавать в таких же пропорциях свое «имение»: «...все граждане такожде сотвориша: две части имения своего в казну принесоша, третью же часть имения на потребу себе оставиша» [11, с. 30]. Но не всегда и не во всех городах. Автор «Повести...» приводит следующий эпизод: пришедши в Балахну, Минин повелел посадским людем «по нижегородскому уставу две части имения своего в казну ратным людем отдати, себе же на потребу третью часть имения оставити» [11, с. 32]. Многие так и поступили, но были и те, которые «восхотеша утаити имения своя, и принесоша не противу его окладу, и скудни называющася» [11, с. 30]. Видя «пронырство» этих людей, Кузьма Минин «повелевая им руце отсеци» [11, с. 32]. До казни, судя по тексту, дело не дошло, ибо «проныры» «не восхотеша в велицей скорби быти, наипаче принесоша по его окладу» [11, с. 32]. В Ярославле посадские люди тоже «послушати его не восхотеша», и тогда Минин «повеле животы их напрасно брати» [11, с. 32]. И снова, как и в Балахне, люди, «видевше от него велику жестокость и свою неправду, ужасни быша, и вся вскоре с покорением приидоша, имение свое принесоша...» [11, с. 32]. Жестокость Минина в обоих случаях имеет мотивировку: она обусловлена «пронырством» «посацких» людей, пожелавших утаить имение. Но в обоих эпизодах дальше словесных угроз, судя по тексту, Минин не идет. Завершая рассказ о ярославцах, автор пишет: «Он же, добросмысленный, своими словесы много наказав их и повеле отпустить их» [11, с. 32]. Слово и дело — таковы главные рычаги управления, которыми пользуется Минин. Он добрым, умным словом противостоит злым деяниям и вдохновляет на правильные в условиях того времени поступки. Делом доказывает чистоту своих намерений, щедро вместе с князем Д. М. Пожарским раздавая жалование ратным, чтобы у них «никакие скудости не было» («ратные же люди никоей скудости имеюще») [11, с. 31]. Великая цель — «очищение» Московского государства — достигается «добросмысленными словесы» и «благорассудными» поступками.

Таким образом, изображая героя народного ополчения Кузьму Минина, автор «Повести...» сочетает традиционные и новаторские способы характеристики героя. Руководствуясь «методом идеального преобразования жизни», он рисует при помощи высоких положительных эпитетов, тавтологических сочетаний, в соответствии с выработанной схемой (патриотизм — «христианские добродетели» — «служба и радение»),

образ идеального героя. Все абстрактные положительные характеристики подтверждаются в тексте реалистическими мотивами, сходными с теми, которые обнаруживаются и в других сочинениях о Смутном времени. Благодаря этому идеальный образ обретает «реальные исторические черты», приближается «к конкретной исторической действительности» [1, с. 9]. Введение в характеристику героя прямой речи (двух пространных и одного короткого монологов) мотивируется в тексте конкретными историческими обстоятельствами, объясняющими причины подобного поведения. Доброе расположение по отношению ко всем людям, как доминантное свойство натуры Кузьмы Минина, не является исчерпывающей его характеристикой. Столкнувшись со злом, Минин способен изменить своему доброму нраву и применить крутые карательные меры по отношению к «пронырам», не осознающим величие цели, во имя которой и совершается подвиг. В некотором смысле мы можем здесь говорить о том, что в фигуре Минина нашли отражение общие тенденции изображения человека в литературе начала XVII в., а именно то, что «в одном человеке могут сосуществовать и хорошие и плохие черты» [4, с. 78], и такое сочетание не мешает быть ему при этом идеальным героем своего времени. «Простое происхождение и невысокое социальное положение Козьмы Минина не требовали обязательной условной идеализации, как образы царей Василия Шуйского и Михаила Романова и князя Скопина, в чьих характеристиках автор не хотел отойти от строгих этикетных канонов» [5, с. 103–104]. И потому в образе Кузьмы Минина обнаруживаются и реалистические черты, которые в сочетании с идеальными качествами делают фигуру героя народного ополчения фактурной и яркой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 *Адрианова-Перетц В. П.* О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI–XV вв.) // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. Т. XVI. С. 5–35.
- 2 *Адрианова-Перетц В. П.* Об основах художественного метода древнерусской литературы // Русская литература. 1958. № 4. С. 61–70.
- 3 *Державина О. А.* Анализ образов повести XVII в. о царевиче Димитрии Угличском // Ученые записки МГПИ. Каф. Рус. лит. М., 1946. Т. 7, вып. 1.
- 4 *Державина О. А.* К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII века // Ученые записки Московского городского педагогического института имени В. П. Потемкина. М., 1957. Т. LXVII, вып. 6. С. 77–91.
- 5 *Енин Г. П.* «Повесть о победах Московского государства — новонайденный памятник древнерусской литературы // Повесть о победах Московского государства. Л.: Наука, 1982. С. 73–134.
- 6 *Енин Г. П.* Повесть о победах Московского государства // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. Вып. 3 (XVII в.), Часть 3: П–С. С. 165–167.
- 7 *Еремин И. П.* О художественной специфике древнерусской литературы // Русская литература. 1958. № 1. С. 75–82.
- 8 *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 352 с.
- 9 *Кузнецов А. А., Морохин А. В.* Историография ополчения Минина и Пожарского в контексте изучения истории Смутного времени. URL: http://www.unn.ru/books/met_files/opolch.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
- 10 *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 2006. 202 с.

- 11 Повесть о победах Московского государства. Л.: Наука, 1982. 164 с.
- 12 Полное собрание русских летописей. М.: Наука, 1978. Т. 34. 307 с.
- 13 Полное собрание русских летописей. Изд-е 2-е. М.: Наука, 1965. Т. XIV. 288 с.
- 14 *Туфанова О. А.* «Негеройские» герои: Кузьма Минин и князь Д. М. Пожарский в исторических повествованиях первой трети XVII в. // Древняя Русь. 2019. (В печати)
- 15 *Туфанова О. А.* Князь М. В. Скопин-Шуйский — «богоданный» воин земли Русской // Макариевские чтения. «Воинство земное – воинство небесное». Материалы XVIII Российской научной конференции, посвященной памяти Святителя Макария. Выпуск XVIII. Можайск, 2011. С. 189–200.

© 2019. *Olga A. Tufanova*
Moscow, Russia

**KUZ'MA MININ IN "THE TALE OF THE VICTORIES
OF THE MOSCOW STATE"
(on the methods of hero`s portrayal)**

Abstract: The paper looks at traditional and innovative ways of portraying the ideal hero of the national militia. Basing on the analysis of epithets and monologues of Kuz'ma Minin, as well as realistic motives characterizing his activities, it arrives at a conclusion that the author of "The Tale of the Victories of the Moscow State" blends various techniques and approaches to characterize the hero. Guided by the "method of the perfect transfiguration of life," he creates the image of an ideal hero drawing upon high positive epithets, tautological combinations, following an elaborated scheme (patriotism – "Christian virtues" – "service and diligence"). At the same time, we see all the abstract positive characteristics confirmed in the text via realistic motifs similar to those found in other writings on the Time of Troubles. Thanks to this, the ideal image acquires authentic historical features. The introduction of a direct speech into characterization of the hero is motivated by specific historical circumstances displaying the reasons for such behavior. Kindness towards everybody as a predominant trait of Kuz'ma Minin`s nature is not his exhaustive specification. Facing the evil Minin is up to change his good temper and take severe punitive measures. As the paper reveals Minin`s figure came to introduce the reflection of common tendencies in portraying an individual in literature of the early 17th century, namely, that "good and bad features can coexist in one person" and, what is more, this combination does not prevent him from being an ideal character of his day.

Keywords: Kuz'ma Minin, "The Tale of the Victories of the Moscow State", ways of portraying a hero, method of perfect transfiguration of life, realistic motives, an epithet.

Information about author: *Olga A. Tufanova* — PhD in Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: tufoa@mail.ru

Received: December 15, 2018

Date of publication: June 28, 2019

For citation: Tufanova O. A. Kuz'ma Minin in “The Tale of the Victories of the Moscow State” (on the methods of hero’s portrayal). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2019, vol. 52, pp. 132–142. (In Russian)

REFERENCES

- 1 Adrianova-Peretts V. P. O realisticheskikh tendentsiiakh v drevnerusskoi literature (XI–XV vv.) [On realistic tendencies in Old Russian literature (11th – 15th cs.)]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* [Works of the Old Russian Literature Department]. Moscow, Leningrad, Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ., 1960, vol. XVI, pp. 5–35. (In Russian)
- 2 Adrianova-Peretts V. P. Ob osnovakh khudozhestvennogo metoda drevnerusskoi literatury [On the basic principles of artistic method of the Old Russian literature]. *Russkaia literatura*, 1958, no 4, pp. 61–70. (In Russian)
- 3 Derzhavina O. A. Analiz obrazov povesti XVII v. o tsareviche Dimitrii Uglichskom [Analysis of images of the tale of the 17th century About Tsarevich Dimitrii Uglichsky]. *Uchenye zapiski MGPI. Kaf. Rus. lit.* [Scientific notes of the Moscow State Pedagogical Institute. Dep. Rus lit.] Moscow, 1946. Vol. 7, issue 1. (In Russian)
- 4 Derzhavina O. A. K voprosu o khudozhestvennom metode i poeticheskom stile russkoi istoricheskoi povesti nachala XVII veka [On the issue of artistic method and poetic style of the Russian historical short novel of the beginning of the 17th century]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo instituta imeni V. P. Potemkina*. Moscow, 1957, vol. LXVII, issue 6, pp. 77–91. (In Russian)
- 5 Enin G. P. “Povest' o pobedakh Moskovskogo gosudarstva” — novonaidennyi pamiatnik drevnerusskoi literatury [“The Tale of the Victories of the Moscow State” — the newly found monument of Old Russian literature]. *Povest' o pobedakh Moskovskogo gosudarstva* [The Tale of the Victory of the Moscow State]. Leningrad, Nauka Publ., 1982, pp. 73–134. (In Russian)
- 6 Enin G. P. Povest' o pobedakh Moskovskogo gosudarstva [The Tale of the Victories of the Moscow State]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [Dictionary of scribes and booklore of Ancient Rus']. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 1998, issue 3 (17 cent.), part 3, pp. 165–167. (In Russian)
- 7 Eremin I. P. O khudozhestvennoi spetsifike drevnerusskoi literatury [On artistic specificity of the Old Russian literature]. *Russkaia literatura*, 1958, no 1, pp. 75–82. (In Russian)
- 8 Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaia semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2000. 352 p. (In Russian)
- 9 Kuznetsov A. A., Morokhin A. V. *Istoriografiia opolcheniia Minina i Pozharskogo v kontekste izucheniia istorii Smutnogo vremeni* [Historiography of the Minin and Pozharsky militia in terms of studying the history of the Time of Troubles]. Available at: http://www.unn.ru/books/met_files/opolch.pdf (accessed 12 January 2019). (In Russian)
- 10 Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevnei Rusi* [The man in the literature of Old Russia]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 202 p. (In Russian)
- 11 *Povest' o pobedakh Moskovskogo gosudarstva* [The Tale of the Victories of the Moscow State]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 164 p. (In Russian)
- 12 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. Moscow, Nauka Publ., 1978. Vol. 34. 307 p. (In Russian)

- 13 *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete collection of Russian chronicles]. 2nd ed. Moscow, Nauka Publ., 1965. Vol. XIV. 288 p. (In Russian)
- 14 Tufanova O. A. “Negeroiskie” geroi: Kuz'ma Minin i kniaz' D.M. Pozharskii v istoricheskikh povestvovaniiax pervoi treti XVII v. [“Non-Heroic” Heroes: Kuz'ma Minin and Prince Dmitry M. Pozharsky in the historical narratives of the first third of the 17th century]. *Drevniaia Rus'*, 2019. (V pečati) (In Russian)
- 15 Tufanova O. A. Kniaz' M. V. Skopin-Shuiskii — “bogodannyi” vojn zemli Russkoi [Prince M.V. Skopin-Shuisky — “God-given” Warrior of the Russian Land]. *Makarievskie chteniia. “Voinstvo zemnoe – voinstvo nebesnoe”*. *Materialy XVIII Rossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi pamiatii Sviatitelia Makariiia* [Macarius readings. “Host of earth – host of heaven”. Proceedings of the XVIII Russian scientific conference dedicated to the memory of St. Macarius]. Mozhaisk, 2011, issue XVIII, pp. 189–200. (In Russian)